Моск. комсомолец. - 2002. - 8 июля. - с. 12.

ЗАВАДИНКА

Встреча назначена в Театре сатиры, и я, опаздывая, чуть не сшибаю всех интеллигентов, собравшихся возле Концертного зала имени Чайковского. Вдруг вижу того, к кому сегодня спешу. Самый добрый обманщик на свете лопает мороженое в вафельном стаканчике, прячет свои хитрющие глаза под козырьком кожаной кепки и не спеша идет к служебному входу. Все при нем, не хватает только пропеллера, к которому за 35 лет пора бы не то что привыкнуть — прирасти.

Народный артист Спартак МИШУЛИН уверен, что его Карлсон вполне достоин Книги рекордов Гиннесса: в конце этого года ожидается большой юбилей — двухтысячный показ спектакля, который шел без перерывов.

ЕЛЕНА МИХАЙЛИНА

КАРЛСОН, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ВРЕТ

Тайну рождения Спартака Мишулина мы можем узнать только из его книги

— Ты еще не родилась, а я уже был Карлсоном! — сформулировал жизненное кредо Спартак Васильевич.

Последний раз мы с Мишулиным виделись зимой, когда он, покраснев, признался, что, как и многие артисты, начал писать мемуары.

— Как ваша книга?

— Потерял наброски, с первой по сорок вторую главу. Черт ее знает где. В голове все сидит, а снова начать писать времени нет. Хотя знакомые говорят: хорошо, что потерял, — великие писатели ведь жгли рукописи, чтобы начать все снова... Меня сейчас уже звонками одолели — предлагают и за меня написать, но мне бы не хотелось: стилистика потеряется.

— Очень хотела бы их почитать, потому что в прессе я насчитала ровно четыре версии о тайне вашего происхождения! Все были приведены от первого лица. Как это понимать?

— Версий о моем происхождении было пять!

— Вы врете?!

— Нет. Иногда я фантазирую. А это разные вещи.

— Чем же они разные?

— Фантазия не может ранить, доставлять кому-то неприятности. Вранье — это плохо и для самого лгуна. Это радость на миг.

— Спартак Васильевич, хотите правду? За 35 лет вы настолько срослись со своим самым знаменитым героем — я Карлсона имею в виду, — что уже, наверное, неотличимы.

— А чем плохо? Во-первых, он не врет, а именно фантазирует. Во-вторых, Карлсон — лучший друг одиноких детей, а это дорогого стоит. Кстати, социологи доказали, что в день мы врем друг другу не менее двадцати раз. Ты почитай интервью — не мои, а вообще: вранье ж на вранье!

— Давайте делиться истиной.

— Тебе я не вру.

— Ой ли?..

Мы начинаем "разбор полетов". Потому что никто так часто не обманывал журналистскую братию, как Мишулин. Рано или поздно, но кто-то на нем должен был отыграться!

Версия о его рождении №1 давно, но все же довольно широко была озвучена. Отец Спартака Васильевича — писатель Александр Фадеев.

— Моя мама училась вместе с Фадеевым в горном институте. Она была инженером. Так вот, во время учебы они и романились. Ну, вроде бы. Так что я вполне могу быть его ребенком. То, что я не похож на Фадеева, — ничего не значит, потому что я похож на маму! Мальчики всегда похожи на маму. А гены у меня вполне подходящие: пишу с детства и начал с романа, который я осилил в 12 лет. Правда, он графоманский, но все-таки роман. Меня и в тюрьму из-за писанины посадили...

Про тюрьму — чуть позже. Это вообще песня отдельная. Версия рождения №2. Спартак — один из испанских детей, которых ввозили в СССР в 1936 году, спасая от режима Франко.

— Нет, ну было же такое! Я ж это не придумал, поэтому Мишулин вполне мог бы быть одним из этих детей. Я ж похож на испанца — погляди сама!

Версия №3. Спартак Васильевич, страшно сказать, — сын чуть ли не цыганского барона. На эту байку в юбилейный для Мишулина год (все просили интервью) купилась масса центральных и не очень СМИ.

— Было дело — говорил. Если представить теоретически, что табор шел через город, остановился на ночевку, и один из цыган завернул скоротать ночку к моей матушке.

— Ну, разве что теоретически...

— Никто никогда не учил меня цыганским танцам, а в 18 лет я взял первый приз на смотре самодеятельности именно за цыганскую пляску. Потом, уже в Театре сатиры, играл цыгана и пел под гитару и под оркестр настоящие цыганские песни. Чем не достоверное предположение?..

Версии №4 и №5 даже разбирать не будем, потому что по первой его вырастили в пробирке, а по второй вариации он — клон. От животного неизвестной породы. Надо заметить, на овечку Долли Мишулин похож в той же степени, что и на писателя Фадеева.

— А "Спартак" — это потому, что мимо проезжала футбольная команда и один из футболистов познакомился с вашей мамой?..

— Нет, Спартаком меня дядя назвал. Он был ректором Академии общественных наук при ЦК партии и профессором истории. Его любимыми героями были гладиаторы — Спартак и Аристоник. Аристоником дядя назвал своего сына, а Спартаком — меня.

— На месте вашей мамы я вас убила бы. Без репутации женщину оставили!

— Моя мама вышла замуж. То есть я обрел отчима. Мама почему-то поменяла мне в документах отчество. До его появления я был Владимировичем, а потом стал Васильевичем. Отчима Васькой звали. Он, как бы это сказать, был не очень хорошим человеком. Пил и бил. Бил и пил. Поэтому большую часть своего времени я старался проводить вне дома. Убегал. По улицам-подвалам болтался. Долго. Пока милиция не поймает. Но учился хорошо, только по дисциплине двойка была...

Детская непосредственность каким-то недоступным для широких масс образом сохранилась в нем до сегодняшних дней: ребяческие способы придумывания себе героического отца из-за полного отсутствия сего достойного гражданина в реальной жизни — это даже не весело. Поэтому тему мы меняем.

— А эта история про то, как вы умерли и вас отвезли в морг, — это тоже фантазия?

— Я в тюрьме тогда сидел, в Кемеровской области. Мне Тулеев сейчас телеграммы шлет, поздравляет, так что я — их достопримечательность. А в 40-е там была целина — куда ни посмотри. Я был расконвойником, и меня послали учиться на три месяца на курсы трактористов в Кемерово — показали, где колеса, где руль, и отправили в поле. Смены длинные — по 20 часов. Я пошел за водой (трактора были настолько старыми, что закипали каждые пять минут), а усталость накатила такая, что сел с ведром на межу и не заметил, как уснул. Стемнело, мужик на гусеничном тракторе меня попросту не заметил — и переехал. В результате в больницу вместо меня привезли мешок с костями. Выглядело это так, что меня почти сразу отправили в морг. В то же самое время один заключенный съел шапку сушеного гороха — получился заворот кишок. Сделали ему операцию, но он все равно помер. Его привезли в морг, а я в этот момент как раз пошевелился. Эти, кто покойника принес, — в обморок. Меня — на операцию.

— И сколько же вы в раздробленном виде пролежали в морге?

— Двое суток. Собирали по частям то, что осталось от Мишулина, два тюремных хирурга, они по той самой 58-10 сидели. Замечательные специалисты. Их отдельно от других держали, они начальство лечили. Когда я поправился, даже конвой не верил, что я — это я. "Мишулин умер!" Говорю: "Я — Мишулин". А мне: "Иди отсюда — совсем жрать нечего, что ли?.." Жуткое время: в тюрьму садились, чтобы не помереть голодной смертью...

О том, за что он попал в заключение, тоже ходят три версии. Первая — о том, как Мишулин украл где-то лампы для освещения сцены, вторая (самая романтичная) — о порче портрета Сталина, и третья — Спартак Батькович вообще был редким хулиганом.

— В молодости я графоманил. С бумагой часто возникали сложности, а мысли шли, надо было на чем-то записывать. Поэтому бумагу я добывал из листовок и плакатов, расклеенных по городу. Плакат с изображением Сталина показался мне вполне пригодным для того, чтобы написать на нем роман "Она сражалась за Родину". Не "Они", а именно "Она". С этого все и началось. Кстати, плакат жив по сей день. Но не только из-за портрета вождя я попал в тюрьму, так что остальные версии — тоже правда. Сейчас Анжеро-Судженск — большой город, а раньше жизнь крутилась вокруг двух шахт — Анжерки и Судженки. Вокруг них — поселки, и в каждом имелся клуб. У нас Дом культуры бедный был. Я с детства в самодеятельности — во всех концертах, спектаклях. И надо было концерт готовить. А как готовить, если даже лампочек нет?.. Вот мы ночью поехали в соседнюю Судженку, взяли там лампы. Нас поймали. После "портрета Сталина" мне эти лампы все до одной припомнили. От 58-й статьи меня тогда спасло очередное преступление. Я ведь начал второй роман, действие которого происходило в России 1917 года. Мне казалось, что я мало знаю о революции, поэтому надо идти в библиотеку. Попросил большой красный трехтомник о Великой Октябрьской. Мне не дали. Ну, я залез ночью и позаимствовал. То есть своровал, конечно, но свою тягу к идейной подкованности показал как раз вовремя. Плюс меня очень выручил мой дядя — генерал и большой начальник.

— Сколько дали?

— Полтора. А потом еще полтора накинули.

— За что?

— Муку воровал. Уже после того, как я почти умер, я работал водовозом. Ну и придумал: вместо воды мужикам в поле муку возить. Они ее котелками черпали и в деревне на самогон и продукты меняли. Попался: начальник встретился на дороге и попросил попить, а у меня в бочке — мука...

Не столь давно одно из средств массовой информации (не буду упоминать какое) вышло с огромным анонсом: "Мишулина зарезали". Помнится, я долистала до нужной страницы за доли секунды, и отлегло: история про "зарезали" приводилась от первого лица.

— Ну и что, это тоже правда?

— Наичистейшая. Я — боксер, мастер спорта. И никогда не боялся заступаться за слабого.

— Бандитов было восемь, и все с ножами?..

— Их было трое. Послевоенные годы страшные — шпана кругом, бандиты... Идешь по улице, а лампочки по 20 ватт на столбах еле светят, и как в кино: человек ныряет в полосу темноты, потом выныривает в полосе света — и опять в темноту. Вынырнет он в следующий раз или нет — неизвестно. И однажды я шел пешком. Трамваи уже не ходили. Вдруг девушка с криком выбегает в полосу света, за ней — парень, который явно что-то собирается с ней делать. Ну, я подошел, жахнул ему по морде. А в темноте — еще двое. Один меня ударил ножом — пробил легкое. Девчонка убежала, эти — тоже. Нож оказался самодельным, из гвоздя выточенный.

— А этот ужасный случай, когда из-за вас женщина, пассажирка автобуса, чуть в больницу не попала?

— Ну, хватит смеяться, я сейчас обижусь уже! И это было. Снимали "Белое солнце пустыни". Меня обрили наголо. Во время поездок в город я надевал парик, потому что лысым как-то непривычно. И вот еду в автобусе — и вижу знакомого, с которым давно не общались. Я обрадовался и забыл, что на голове не кепка, а парик, сорвал и помахал. А бабка эта за сердце схватилась...

— Вы — катастрофа! Такое ощущение, что с человеком в принципе не может происходить столько всего, если только он сам не ищет приключений.

— Что-то, наверное, все-таки случайность, а что-то — действительно закономерность. На самом деле я никогда не боялся отступить, сделать два шага назад, чтобы переждать ситуацию, а потом шагнуть вперед. Этим что-то выгадывал. Ведь я был в таких компаниях, что сейчас даже и не знаю, как я вылез. Я мог стать алкоголиком, наркоманом, проституткой... В тюрьме сломаться очень просто: там свое государство. Пахан — это президент, есть министр горшков, министр хавки... Много там министров, как в жизни. Зазеваешься — сожрут. Знаешь, я планировал написать, что меня спасла коммунистическая партия. Смешно? Сейчас, конечно, я такого не напишу.

— Когда выйдет ваша книга, все узнают правду. Не страшно перестать быть человеком-загадкой?

— Во-первых, когда тебе 76 лет, уже ничего не страшно. Во-вторых, не узнают. Я начну свою книгу так: "Если вы приедете в Москву с юга или с севера на Курский вокзал, то в километре от вокзала будет высокая труба какого-то неизвестного завода. На высоте тридцати пяти метров высечено, когда эта труба была построена. Она была построена именно в тот год, когда я родился". Потом я напишу, что происходило в этом году, но не буду указывать цифры. Пусть гадают. Про месяц своего рождения я тоже напишу только то, что такие-то известные люди родились в тот же месяц, что и я. Пусть читатель поразмышляет. Тем более что по паспорту я родился в октябре, а на самом деле — в апреле.

Здорово — даже паспорт у него отчасти липовый: месяц рождения не тот, что есть на самом деле, отчество — не его. Но приятно, что хотя бы часть разоблачений имеет место быть в этом интервью, потому что, думается мне, в мемуарах будет такое же "черт ногу сломит", как и в его жизни.

Разговор о правде и вымысле затягивается на два с половиной часа, но Мишулин не унимается. Уже в лифте он объясняет мне татарское значение чисто русского выражения "Е... твою мать". Губы расползаются в улыбку уже соматически, но смеяться сил больше нет.

— Опять не веришь? **Я** тебе говорю!..

Конечно, так, раз это говорит сам Карлсон всех времен и народов, лучший в мире укротитель домомучительниц, у которого на антресолях пылятся сто тысяч мильонов люстр. И зря говорят, что сатирики и комедианты в жизни — мрачные люди: Мишулина личные драмы не сделали закрытым или злым — он по сей день, как хлопушка с конфетти: разговори, и яркий праздник тебе обеспечен. Хотя из дурного периода молодости он помнит практически все. Пуделя Спартака Васильевича, к примеру, зовут Лаврентий Палыч. Без фамилии, но и так ясно, в честь кого.

Елена МИХАЙЛИНА.